

АМЕЛИЯ
БОРН

16+

**ТАЙНАЯ
ЖИЗНЬ МОЕГО МУЖА**

Амелия Борн

Тайная жизнь моего мужа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68286616

SelfPub; 2022

Аннотация

... Я вдруг увидела, как мой муж подхватил на руки ребенка – розовощекого светловолосого карапуза лет трех-четырёх. Через приоткрытое окно машины до меня донесся детский голос:

– Папа!..

Он обращался к моему мужу.

Моя жизнь казалась мне вполне счастливой – любимое дело, любящий муж. Все портило лишь одно обстоятельство: много лет мне никак не удавалось забеременеть. Я считала себя бесплодной – ровно до того момента, как не оказалась в постели с первым встречным, отчаянно желая тем самым отомстить мужу за предательство, и... забеременела. Но как это вообще возможно? И какие еще тайны скрывает тот, кого я любила?..

Амелия Борн

Тайная жизнь моего мужа

Глава 1

Сентябрь 2018

– Давай не будем больше пытаться.

Руки мужа крепко сжимают мои подрагивающие плечи, словно так он пытается донести до меня смысл своих слов, которые ускользают от рассеянного сознания.

– Ника, – повторяет он снова. – Ты меня слышишь? С этим пора заканчивать.

Слух вдруг цепляется за последнее слово, как оголодавшее животное когтями – за кусок мяса. Заканчивать?..

Я с трудом вскидываю голову, чтобы взглянуть на Артема. Она кажется такой тяжелой, такой неподъемной... Но еще тяжелее – его слова, которые словно молотом к земле прибивают.

– Нет... – бормочу отчаянно, впиваясь пальцами в проклятый тест. – Нет!

Я не сразу сознаю, что этот чудовищный звук, разрезающий стены квартиры, похожий больше на животный вой, чем на человеческий голос, исходит изнутри меня самой. Все мое существо противится тому, что слышат уши и видят глаза.

– Не верю... – я мотаю головой, трясусь всем телом, сбрасывая с себя родные ладони. – Не верю!

Пальцы нервно сжимают тест. На нем снова неумолимая, ненавистная одна полоска. Как приговор, который не подлежит обжалованию. Как бесстрастный вердикт.

Я ищу выхода своему отчаянию. Пальцы гневно сжимают тест, одно резкое, сильное движение – и с жалобным, надрывным треском он ломается напополам. Я откидываю обломки прочь от себя, тем самым не желая признавать очередное поражение.

– Ника, бога ради!

В голосе Артема звучит отчаяние – такое созвучное моему, разрывающему изнутри. И именно боль в его глазах, глухая безысходность, застывшая в черных зрачках, окончательно меня ломают. Он больше не верит. Он устал ждать. Устал надеяться.

С этим осознанием меня окончательно покидают силы. Ярость, еще недавно клокодавшая в груди вместе с пожирающим душу отчаянием, трансформируется теперь в нечто новое – смирение. Перед тем, с чем упрямо боролась последние годы. Перед собственной неспособностью зачать ребенка.

– Ника...

Муж опускается передо мной на колени, сжимает безжизненно повисшие руки, с ищущим отчаянием заглядывает в глаза.

– Я не хочу, чтобы ты мучилась дальше, – произносит он глухо. – Просто посмотри на себя! Ты стала похожа на призрака. Твое здоровье сильно подорвано... Я не хочу тебя по-

терять!

Он, наверно, говорит правильные вещи. Но совершенно не понимает, что именно это мучает меня больше всего. Он не понимает, а я не говорю вслух – мне кажется, что с окончанием попыток забеременеть настанет конец и нашему браку.

Я знаю, как Артем хочет иметь детей. Я боюсь, что однажды он возненавидит меня за то, что не сумела родить. Я знаю, что в конце концов потеряю его именно потому, что я бесплодна, как пересохшая земля. Пуста. Безжизненна...

Наверно, лучше бы он орал на меня и сыпал упреками, чем его молчаливое понимание и поддержка, от которых становилось только тяжелее. Потому что я знала – то, через что мы прошли за все эти годы и бесплодные попытки зачать ребенка, выдержал бы не каждый. А Артем все еще был рядом. Все еще любил меня...

Но что будет теперь, когда мы прекратим попытки? Я не представляла. Но при этом вынуждена была признать – еще одного курса лечения мне просто не выдержать. Ни эмоционально, ни физически.

Простое желание иметь ребенка превратилось постепенно в самую настоящую одержимость. Календарь сократился до заветного дня, жизнь превратилась в сплошное ожидание и надежды от теста до теста... Когда-то успешная карьера осталась в прошлом, как и более удачливые друзья, которые сумели завести детей... Я сознавала, что потребность зачать

ребенка разрушала меня изнутри, пуская под откос всю мою жизнь, но иначе просто не могла. Все казалось – в этот раз обязательно получится. А потом очередной тест – и адский круг начинался заново...

От вида таблеток уже тошнило, но я упрямо впихивала в себя все, что выписывали. Тем более что врачи никогда не говорили окончательного «нет», а только «давайте попробуем еще». И я пробовала, раз за разом...

Но, видимо, теперь пришел момент, когда пора было признать – я не смогу иметь детей. И Артем не сможет бесконечно оплачивать дорогостоящие попытки лечения. Ему это скоро надоест. Уже надоело.

– Что теперь будет? – спрашиваю устало, едва узнавая собственный голос.

И боюсь услышать честный ответ – «а теперь я уйду от тебя, к той, кто сумеет родить мне ребенка».

Но Артем этого не говорит. И мне практически хочется кричать – скажи, скажи честно, когда ты меня бросишь!

Но вместо этого он спокойно произносит:

– Будем жить, как раньше. Еще до всех этих попыток. Ты помнишь, как нам было хорошо друг с другом?

А я – почти не помню. Почти забыла, каково это – заниматься любовью ради удовольствия, а не с бесконечной целью – заиметь ребенка...

Глаза мужа светятся мольбой. Вижу – ему действительно не хватает тех беззаботных времен, когда нам было достаточ-

но для счастья только друг друга. Но тревога подло сжимает сердце своей беспощадной рукой – разве мы сможем так жить всегда? Разве я сумею сжиться с чувством собственной неполноценности?..

– И тебе... будет этого достаточно? – задаю вопрос, на который так страшно услышать ответ.

Артем мягко улыбается:

– Я люблю тебя, Ника. Все, что мне нужно – это чтобы ты была рядом.

Даже если он лжет, я готова с благодарностью принять сейчас эту ложь. Внешняя броня, которую выстроила вокруг себя, чтобы все это выдержать, внезапно трескается и наружу, вместе с судорожным всхлипом, вырывается отчаянное:

– Не бросай меня. Только не бросай меня!

Панически прячу слезы в гладкой ткани его пиджака. Глупо, ведь он и так все чувствует и понимает.

Сильные руки крепче сжимают меня в объятиях тем властным, решительным движением, что так нравилось мне всегда. А слова звучат торжественно, словно клятва:

– Я никогда тебя не брошу. Никому не отдам мою девочку...

Глава 2

Год спустя

– Ты надолго?

Я смотрела на то, как муж складывает в сумку последние

вещи. Следила за ловкими, тонкими пальцами и, к своему стыду, понимала – я впервые спрашиваю это не только потому, что буду скучать. А потому, что боюсь не успеть того, что задумала втайне от Артема.

Слово «втайне» казалось сейчас каким-то грязным и преступным. Я ведь никогда и ничего прежде от него не скрывала. Доверие в наших отношениях было не просто словом, не пустым звуком. И теперь угрызения совести шевельнулись внутри шипящей змеей, больно жала душу. Но я знала – иного выхода у меня нет. Потому что впервые в жизни со знавала – Артем меня не поймет. Он не одобрит того, что я собиралась сделать.

А я не хотела ссор. Я боялась его осуждения. И вместе с тем – не могла иначе. Если все получится – я, конечно, все ему расскажу. Если же нет... то лучше, чтобы это осталось моим маленьким секретом. Единственным секретом от того, кого так любила.

– Дня на три, не больше, – улыбнулся муж, решительно застегивая сумку.

Он подошел ближе, заключил мое лицо в свои ладони и посмотрел в глаза – так, что сердце зашло в бешеной скачке. И как ему удавалось смотреть на меня так, что даже после стольких лет вместе от этого взгляда мучительно-сладко ныло в груди?..

– Буду безумно скучать, – проговорил он мне в самые губы, а в следующий момент я оказалась втянута в сумасшед-

ший, тягуче-сладкий поцелуй.

Он целовал, как в последний раз. Словно уезжал не в свою привычную командировку, а на войну, с которой мог не вернуться. От этого напора, этой страсти даже подкашивались ноги и я в поисках опоры схватилась за его плечи. Широкие, стальные плечи, всегда казавшиеся такими надежными.

– Тема... – выдохнула, когда удалось сделать глоток воздуха. – Если продолжишь в том же духе, то пропустишь свой самолет.

Он негромко рассмеялся – тем своим смехом с хриловато-бархатными нотками, который, как мне казалось, был предназначен только мне одной.

– Может и к черту его, этот самолет? – усмехнулся муж, снова привлекая меня к себе. И тут же вздохнул – устало и обреченно:

– Но ты права. Надо ехать. Это очень важные переговоры для будущего фирмы.

Я кивнула, отходя на шаг, чтобы не мешать Артему пройти в коридор. Рукам, которые буквально только что обнимали мужа, мгновенно стало пусто. Спасаясь от этого чувства, я обхватила себя за плечи, молча наблюдая за тем, как муж обувается.

– Ты точно справишься тут одна? – уточнил он, выпрямляясь. – А то, может, вызвать подмогу?

Его забота обычно трогала меня, но сейчас отчего-то задела. И все же я улыбнулась через силу:

– Ну я же не маленький ребенок, Тем. Мне ничего и никого не надо.

Он пристально посмотрел на меня, словно что-то подозревал и под этим взглядом вдруг стало неуютно. Снова вспомнился обман, на который решила пойти и спину прошиб холодок от мысли, что муж обо всем догадается. Я чертовски плохо умела врать.

Но он отвел глаза и, решительно распрямив плечи, сказал:
– Ладно, тогда я поехал.

Последний быстрый поцелуй в губы – и Артем шагнул за дверь. Оставляя меня наедине с моей совестью и моими секретами.

Машины медленно ползли в пробке, как неповоротливые стальные насекомые. Я рассеянно смотрела на дорогу перед собой, борясь с поселившимся внутри чувством тревоги.

А что, если и в этот раз ничего не выйдет? Этот вопрос бился в голове отчаянным зверем, вынуждая терзаться вопросом – а может, лучше повернуть назад? И уберечь себя от очередного разочарования...

Я так боялась, что последняя неудачная попытка забеременеть отдалит нас с Артемом друг от друга. Первые дни после того теста просыпалась по ночам, обливаясь потом от собственных кошмаров. Десятки, сотни раз отчаянно шарил рукой по постели и снова обретала способность дышать только тогда, когда ладонь встречала теплоту мужского тела рядом.

И каждое утро я боялась, что он посмотрит на меня по-другому. Что в его взгляде мелькнет холод, который даст понять – наше время подошло к концу.

И каждый вечер я боялась, что он не вернется. Что однажды позвонит и скажет, что нашел кого-то лучше. Кого-то, кто способен подарить ему ребенка...

Но этого не происходило. Напротив – наш брак словно обрел второе дыхание. И Артема, казалось, все это полностью устраивало.

А я не смела ему сказать, что так и не смирилась. А я тайком читала в интернете о новых способах лечения бесплодия. А я буквально упивалась рассказами таких же несчастных, как я, которые все же сумели в итоге забеременеть и родить. Я цеплялась за это чужое счастье, как за последнюю надежду. Я утешала себя тем, что и со мной может произойти подобное чудо.

Собственно, благодаря сообщению на форуме одной из этих женщин, я и решилась. Решилась попробовать снова.

За последний год мне вполне удалось восстановиться физически, но ни черта – душевно. Артем считал, что мы преодолели это несчастье и поставили точку, но он не знал, что я просто научилась ограждать себя от того, что так ранило. Он не замечал, что я почти перестала выходить из дома, опасаясь наткнуться на детскую площадку и счастливых мамочек, которым так отчаянно завидовала. Его, казалось, абсолютно устраивало то, что я полностью посвятила себя дому и мужу.

Но он даже не догадывался, что причиной этому был страх перед болью.

Глубоко вдохнув, я притормозила, останавливаясь на красный перед пешеходной дорожкой. Доктор, порекомендованный мне той самой форумчанкой, ждала меня к семи. Если я еще раз попаду в пробку – то попросту к ней опоздаю.

Я нервно постукивала по рулю в ожидании зеленого сигнала, когда мое внимание привлекла фигура на тротуаре, показавшаяся до боли знакомой. Сфокусировав взгляд, я увидела, как мой муж подхватил на руки ребенка – розовощекого светловолосого карапуза лет трех-четырёх, а тот, упрямо ворочаясь в его объятиях, тянул куда-то ручки и через приоткрытое окно я слышала детский голос:

– Папа! Шабака!

Я замерла, словно оглушенная. В ушах зашумело, перед глазами все поплыло... А внутренности разрезала такая боль, что проступили болезненные, мучительные слезы.

Словно почувствовав мой взгляд, Артем повернулся ко мне лицом и, увидев меня, буквально побелел.

Сзади нервно засигналили и я поняла, что пропустила свой зеленый. Руки свело судорогой и мне казалось, что я не смогу пошевелиться даже под угрозой смерти. Во всяком случае, так было ровно до того момента, как Артем кинулся ко мне с криком:

– Ника!

И вот тогда я со всей силы газанула. Уже не понимая да-

же, куда еду, с трудом различая дорогу, я просто помчалась вперед – подальше от того, кто так жестоко меня предал.

Но картина того, как мой муж держит на руках чужого ребенка, зовущего его папой, продолжала упрямо стоять перед глазами, заставляя мучительно умирать с каждым чертовым вдохом.

Глава 3

Глаза разъедало от мучительного, болезненного чувства – это кипели слезы, которым, казалось, не было конца. Сквозь жгучую соленую пелену я едва видела, куда еду. Впрочем, мне было на это плевать. Какая разница, что теперь со мной будет?

Я сделала неловкое движение рулем и машина, повинувшись, резко вильнула вправо, едва не врезавшись в идущий впереди автомобиль. Сзади оглушительно засигналили и это на некоторое время меня отрезвило. Во всяком случае, в достаточной мере для того, чтобы съехать на обочину и запарковаться. Пусть моя жизнь полетела ко всем чертям, я была просто не вправе подвергать опасности других людей.

Словно в тон моим мыслям рядом раздался детский смех. По тротуару за разноцветным мячиком бежала девочка, а следом за ней – смеющаяся и одновременно охающая женщина. Эта картина казалась олицетворением самой жизни, самого счастья. Всего того, что было мне недоступно.

И в этот момент я сломалась окончательно. Уронив голо-

ву на руль, позволила себе разрыдаться – громко, отчаянно, практически переходя на вой.

В окно машины постучали. Испуганно вскинув голову, я увидела рядом ту самую женщину. Девочка тоже была здесь – смотрела на меня расширившимися от испуга и любопытства глазами.

Я неохотно опустила стекло, но только для того, чтобы попросить их уйти.

– Вам плохо? – озабоченно поинтересовалась незнакомка.

И, вопреки собственным намерениям, я горько рассмеялась, а наружу вырвалось:

– А вы как считаете?

Она неловко мялась рядом, очевидно, уже жалея, что подошла. Но все же предложила:

– Помочь вам как-то?

Я сглотнула слезный ком, мешавший мне дышать и буквально взмолилась:

– Уходите. Просто уйдите!

– Ладно...

С явным облегчением она отошла, а я, вновь подняв стекло, бессильно откинулась на подголовник.

Еще недавно лившиеся сплошным потоком слезы вдруг прекратились, словно застыв. И все свое тело я ощущала сейчас таким же – онемевшим и безжизненным.

Но странным образом именно сейчас разум слегка прояснился. Мозг принялся хаотично работать, подкидывая одно

за другим возможные объяснения тому, что видела.

Но ни одно из них не было способно что-то изменить. Картина, которую я наблюдала, была до тошноты однозначной.

В груди надрывно, мучительно заныло сердце. Как он мог так со мной поступить? После всего, что я пережила? После всего, что мы пережили вместе?

Ложь Артема о том, что уехал в командировку, его испуганное, бледное лицо, когда он заметил меня – все это говорило о его вине лучше всяких слов. Все это делало реальными мои самые страшные кошмары.

Другая женщина родила ему ребенка. Чужой малыш звал его папой. Чужие руки касались того, кто клялся мне в любви.

Зачем он мне врал? Именно этот вопрос прожигал грудь душащим пламенем. Почему не поступил честно, почему не ушел?

Я ведь ожидала этого. Я, казалось, была готова к подобному исходу. Но от этого было ничуть не легче.

Я вдруг поняла – это ведь случилось не вчера. Ребенок не появляется за день. Перед глазами снова встало лицо мальчика – ему было уже три или четыре года. А это значило...

Новый приступ боли прокатился по душе оглушительной канонадой. В то время, как я отчаянно боролась за право стать матерью... когда отдавала ради этого все – свое здоровье, все время, все силы – мой муж пошел самым простым путем. Он завел ребенка на стороне. Он уже несколько лет

вел двойную жизнь, о которой я, замкнувшаяся в своей беде, даже не подозревала.

Вдруг вспомнились его сильные руки, что так бережно прижимали к себе после каждой новой неудачи. Его губы, что вот только сегодня утром целовали так, что я сходила с ума... Чем все это было? Жалостью, притворством?

Последняя мысль заставила выпрямиться в кресле, собрав по кускам остатки собственного достоинства. Я так отчаянно любила, но жалость в ответ мне была совсем не нужна.

Глядя болезненными глазами прямо перед собой, я завела машину и направилась к месту, которое еще сегодня утром звала своим домом.

Направилась в последний раз.

– Ника!

Едва стоило мне войти в квартиру, как Артем буквально выбежал навстречу. Его присутствие дома застало меня врасплох – разве не должен он был находиться сейчас с теми, к кому сбежал под предлогом командировки?

Муж кинулся ко мне, протянув навстречу руки, намереваясь заключить в объятия. Испуганно шарахнувшись в сторону, я на грани истерики выкрикнула:

– Не подходи!

Он потрясенно замер. Я же шарила вокруг безумным взглядом, словно ожидала, что где-то здесь он прячет своего внебрачного ребенка. Но никого больше не было. Только я и он.

– А где?.. – выдохнула, не закончив фразы.

Артем не стал делать вид, что не понял. Сжав руки в кулаки, процедил:

– Никита со своей матерью.

Никита... Он назвал сына в честь своего отца. Так, как мечтала назвать я сама.

Боль и горечь снова навалились на меня, как неизбежная лавина. Это мог бы быть мой сын... Это я должна была держать на руках новорожденного ребенка! Это со мной вместе он должен был выбирать ему имя! Это моего сына должны были звать Никитой!

Все это было больше, чем я могла выдержать. Подбородок мерзко задрожал, выдавая мою слабость. Артем снова шагнул ближе, но я, словно обороняясь, выставила перед собой руки, и это заставило его остановиться.

– Ника, я чуть с ума не сошел! Где ты была?

Я нервно, истерично захихикала. Он это серьезно?

– Мне кажется, что это я должна у тебя спрашивать, – откликнулась, не скрывая горечи, от которой срывался голос. Но было уже плевать. – Где ты был все эти годы? С кем? И чего еще я о тебе не знаю?

Он стоял передо мной, белый от гнева или испуга – я не знала, но все такой же негибачаемый, как всегда.

– Нам нужно поговорить спокойно, – произнес медленно, размеренно, словно я была тугодумкой и могла не понять его слов.

– Не о чем говорить, – передернула нервно плечами. – Все и так ясно. Спасибо, что хотя бы не стал отпираться и сочинять небывлицы. А теперь я пойду и заберу свои вещи.

Но стоило мне сделать только шаг, как Артем стремительно оказался рядом, и, не заботясь о том, что делает больно, крепко сжал мое запястье и отчеканил:

– Ты никуда не пойдешь.

Он держал крепко. Раньше я никогда и ни за что не могла бы представить, что этот человек способен причинить мне боль, но сейчас, впервые за всю нашу совместную жизнь, испугалась.

Он смотрел на меня так, что способен был пригвоздить этим взглядом к полу. Глядя в его темные, немигающие глаза, я неожиданно спросила:

– Кто она?

Показалось, что вопрос застал его врасплох. Но замешательство длилось недолго, и все также глядя на меня с привычным чувством собственной власти, он сказал:

– Никто. Случайная девка на одну ночь. Ника, пойми...

Я прервала его, ясно осознав очередную ложь.

– Будь она случайной девкой на одну ночь, ты бы и не знал о ребенке, разве не так?

Он крепко сжал губы. Я смотрела на него, такого, казалось, давно родного и такого чужого сейчас. Сердце обливалось кровью, сердце ждало... чего? Я сама не знала.захотелось вдруг проснуться и осознать, что все это – лишь оче-

редной ночной кошмар.

Но боль была слишком реальной. Та боль, что металась внутри, разрывая душу в клочья. Та боль, что причиняли мужские пальцы, крепко впивавшиеся в меня. Рука начинала мучительно ныть от этой крепкой хватки и я сделала попытку освободиться.

Он ослабил свой захват, но руку так и не выпустил. В глазах его промелькнуло нечто новое – паническое, совсем ему несвойственное. Впрочем, это выражение быстро исчезло. На меня снова смотрел Артем Орлов – уверенный и негибаемый, как всегда в критических ситуациях.

Прежде меня восхищало в нем это качество. Но сейчас проблемой, которую он намеревался решить, была я сама.

– Она стажировалась у меня несколько лет назад, – произнес он сухо. – Ника, это было только раз! Мы тогда потерпели очередную неудачу с зачатием ребенка, я напился и... это случилось.

«Мы»... как же я верила прежде в это его «мы»! Как же важно для меня было, что я – не один на один со своей бедой. Но где были эти пресловутые «мы», когда он сделал это?! Где были, когда он тайком навещал своего сына?

А я была готова на все на свете, чтобы подарить ему ребенка... Чтобы почувствовать себя настоящей женщиной... матерью. Чтобы жизнь снова обрела смысл.

Я боролась из последних сил, а он, выходило, давно сдался.

– Это уже не имеет значения, Артем. Ты меня предал.

С невесть откуда взявшейся силой я вырвала свое запястье из его пальцев и, в последний раз оглянувшись по сторонам, выскочила прочь из квартиры.

Глава 4

– Ника, стой!

Муж неожиданно бросился за мной следом. Впрочем, это было так похоже на Артема – он, словно оправдывая собственную фамилию, не умел отпускать добычу просто так. Во всяком случае, до тех пор, пока не получит все, что хочет.

И я знала это, как никто другой.

Я истерично стала бить ладонью по кнопке лифта, словно от этого она могла сработать быстрее. Повезло – двери захлопнулись в тот самый момент, как Артем готов был протиснуться в кабину.

Лифт дребезжащей стрелой помчался вниз, а у меня в голове было только одно – бежать! Бежать, бежать, бежать подалее отсюда!

Я выскочила из лифта и опрометью кинулась к двери. Показалось, что на лестнице раздаются торопливые шаги – еще немного и он уже догонит...

А у меня не было сил говорить с ним сейчас. Не было сил простить, да он и не просил. Словно это было совершенно обычной практикой – завести ребенка на стороне в то время, как законная жена отчаянно пытается забеременеть...

Я прыгнула в машину и резко газанула, стараясь скрыться раньше, чем Артем поймет, в каком направлении я еду. На шоссе выезжать не рискнула – именно там он и станет искать мою машину в первую очередь.

Сколько петляла по забытым богом переулкам – я впоследствии не могла бы сказать. Просто ехала, стараясь как можно дальше оказаться от дома и человека, который ранил также сильно, как, казалось мне когда-то, любил.

Возможно, стоило разобраться во всем этом подробно. Возможно, стоило попытаться понять. В конце концов, через измену проходили многие.

Но у меня не получалось даже представить, что смогу жить, смирившись с этим. Боль, горечь, обида – три ядовитых чувства, затопивших все мое существо, разъедающих разум.

Руки болели от того, как крепко я сжимала руль, словно это был единственный якорь, что меня вообще держал на земле. Оглядевшись по сторонам, я заметила неподалеку призывно светящийся неоновыми огнями бар.

У входа стояла компания – непринужденно, но явно дорого облаченные мужчины; пестро, на грани неприличия разодетые женщины. Они курили и смеялись, и этот резкий звук отозвался в душе чем-то тоскливым.

Я и вспомнить не могла, когда в последний раз выбиралась куда-нибудь с компанией. Поначалу еще мы с Артемом встречались с друзьями, потом у него перестало хватать вре-

мени, а меня одну он отпускать не любил. За этим последовали неудачные попытки забеременеть и так я постепенно растеряла свой привычный круг общения. Как бы ни любила я своих друзей, а смотреть на чужих детей, слушать разговоры о том, как чужой малыш сказал первое слово или сделал первый шаг, и сознавать, что не могу родить сама, было просто невыносимо. Как итог – из подруг у меня осталась только одна – незамужняя и бездетная...

Я опустила зеркало и взглянула на свое отражение. Глаза пустые, покрасневшие от слез. Под ними – живописно размазанные следы от потерпевшего крах макияжа. Из одежды – достаточно официальный костюм, в котором собиралась к врачу. Взгляд снова метнулся к яркой компании – я, определенно, выглядела совсем не подходящим для этого заведения образом. Да и плевать! Мне просто нужно было выпить. Просто нужно было место, где можно хоть ненадолго затеряться, спасаясь от всего, что навалилось. Спрятаться от предательства мужа и... самой себя.

Наскоро вытерев лицо салфеткой и пригладив темные волосы, я вышла из машины и направилась ко входу. Никто из стоявших на улице даже не обратил на меня внимания – и это было именно то, в чем я сейчас нуждалась.

Забвение.

Первый бокал я опрокинула без промедления. Сколько их было после – даже не считала. Настала моя очередь глушить алкоголем боль. И я, черт возьми, имела на это полное право!

Чья-то тень вдруг нависла над стойкой, на миг заслонив собой яркий свет. Тонко скрипнул стул по соседству, но я даже не повернула головы.

— ... двойной, — донесся до меня грубоватый, низкий голос.

Я молча пялилась в свой бокал. Мозги начинали понемногу плыть, погружая тело в блаженную расслабленность. Боль улеглась внутри, убаюканная янтарным ядом, и только хотелось уронить голову на стол и погрузиться в саможаление.

— Вы не похожи на обычную местную публику, — снова раздался все тот же мужской голос.

Я не сразу поняла, что обращался он ко мне. Повернув голову, слизнула с губ горьковатый след и криво усмехнулась:

— Что, недостаточно раздета?

— Да и губы подкачали, — кивнул он с самым серьезным видом. — Точнее, не подкачали.

Я хмыкнула и повертела в руках бокал.

— Ну извините, что не соответствую вашему представлению о прекрасном.

— Напротив, — возразил он, придвигаясь ближе. — Это даже интригует.

Я подняла на него взгляд. Он смотрел с явным интересом и в глубине его глаз притаилось что-то еще — неясное мне, но отдающее опасностью.

План мести созрел в голове мгновенно и затуманенному сознанию это показалось чертовски хорошей идеей.

Как там сказал Артем? Он напился от отчаяния и все слу-

чилось... Так почему же я не могла сделать того же самого?

Тем более, что прекрасно знала, как он ревнив. Знала, что обычная измена причинит ему такую же боль, как мне – его ребенок от другой женщины...

Путающимися пальцами я расстегнула, пусть и не с первой попытки, пуговицу пиджака. Уже и не помнила, когда вообще флиртвала с кем-либо или говорила с каким-нибудь мужчиной не исключительно по делу. Понятия не имела, как себя вести, но алкоголь в крови раскрепощал, толкал на необдуманное...

Когда последняя пуговица была расстегнута, оставляя меня в одной лишь майке с достаточно глубоким вырезом, я снова посмотрела на незнакомца и спросила:

– Так лучше?

Он оглядел меня, не таясь, без малейшего смущения. Склонившись ко мне ближе, шепнул:

– Безусловно. Вот только я... не пользуюсь пьяными женщинами.

Это неприятно ударило по самолюбию, и я, снова запахнув пиджак, отвернулась, коротко кинув:

– Что ж, найдется кто-то получше...

Сильная рука мощным движением развернула меня к себе. Голубые глаза сверкнули, как два осколка льда, но подо льдом... будто вспыхнуло пламя.

Он холодно отчеканил:

– Иди в уборную. Я следом.

Покачнувшись, я поднялась со своего места. В ушах шумело, а заснувшая ненадолго боль снова всколыхнулась со дна души. И именно она погнала меня вперед, заставляя идти туда, куда было сказано.

Дверь за моей спиной открылась и тут же захлопнулась. Послышался звук поворачиваемой задвижки, а затем меня впихнули в кабинку, властным движением развернув к себе лицом.

Ищущие, грубые губы ткнулись в мои, стремясь подчинить, но я с силой уперлась руками ему в грудь.

– Нет, – выдохнула решительно. – Давай... сразу.

Мне не хотелось ласк, не хотелось близости. Хотелось лишь одного – забыть под чужими прикосновениями о своей боли, затереть чужими руками следы того, кто предал. Вытолкать боль прочь из разума и тела вместе с грязными, грубыми движениями...

Он не заставил себя ждать. Развернул меня к себе спиной, вынуждая выгнуться. Я почувствовала, как он расстегивает брюки – сначала мои, затем – свои, ощутила его руки на своих бедрах...

– Ты пьешь таблетки? – коротко поинтересовался он.

Я хмыкнула, и в звуке этом проступила горечь:

– Об этом можешь не волноваться.

Я не видела, но мне показалось, что он кивнул и следом – подался ближе.

Каждое движение было им точно выверено – ничего лиш-

него, никакой обманчивой нежности, никаких притворных чувств.

Я тяжело опиралась руками о стену, надсадно дышала и не могла сама разобраться, что сейчас чувствую. Он действовал умело, но это не вызывало во мне отклика. Я сама хотела этой мести – но не ощущала никакого удовлетворения...

Меня вдруг затошнило – то ли от выпитого, то ли от себя самой. Жалкая, ничтожная, грязная...

Мужское тело прижалось к моей спине, горячее дыхание опалило шею. Все кончилось.

Я поспешно развернулась, чтобы выскочить из кабинки, но сильная рука успела перехватить запястье.

Я тупо уставилась на его пальцы, сжимающие мою руку также, как еще недавно – Артем, и по спине пробежал холодок, а следом вновь накатило чувство отвращения.

– Может, хоть познакомимся после всего, что между нами было? – поинтересовался насмешливо мужчина.

– Это лишнее, – отрицательно мотнула я головой и потянула свою руку.

Он отпустил поразительно легко. Воспользовавшись этим, я выбежала из уборной, а следом и из бара напрямик в темноту осенней ночи.

Глава 5

Страшно хотелось пить.

С глухим стоном я перевернулась со спины на живот,

скрываясь от света, мучительно бьющего прямо в лицо. Так и не отступившая сонливость заставляла продолжать лежать в постели, но мозг уже лихорадочно работал, пытаюсь найти ответ на главный вопрос – где я?

На то, чтобы открыть глаза, не хватало сил. Веки казались тяжелыми, как два булыжника. Я снова жалобно застонала и втянула носом воздух – мой единственный ориентир в этой невольной тьме.

Пахло совсем не так, как у меня дома. Как правило, утро я встречала с запахом роз, всегда стоявших на прикроватном столике – Артем внимательно следил за тем, чтобы в доме был свежий букет...

Артем. Воспоминания о вчерашнем навалились беспощадно и оглушительно, заставляя меня содрогнуться, как от внезапного удара.

Может, это все было неправдой? Просто ночной кошмар, один из многих. Я привычно протянула руку, ощупывая постель рядом с собой и действительно на кого-то наткнулась. Но это был точно не Артем.

– Воу-воу-воу, полегче, Орлова! – раздался рядом знакомый голос.

И картинка сложилась. Странный запах – это, конечно, излюбленные свечи подружки, которые она жгла чаще, чем какая-нибудь гадалка, промышляющая спиритическими сеансами.

– Вась? – уточнила я жалобно, так и не в состоянии от-

крыть глаза.

– Ну а кто еще? – фыркнула та в ответ. – И, кстати, ты все еще держишь меня за коленку.

Я отдернула руку и попыталась подняться в постели. Оказалось, булжники лежали не только у меня на глазах – невидимая тяжесть давила к земле все тело. Голова мучительно раскалывалась, отчего-то болели пальцы рук...

Сделав над собой усилие, я распахнула глаза. И тут же замурилась от неприятной, невыносимой рези.

– Купи наконец шторы, – взмолилась я, растирая глаза и делая новую попытку прозреть. – Как я вообще у тебя оказалась?

– А ты не помнишь? – насмешливо отреагировала Василиса.

– Помнила бы – не спрашивала, – буркнула в ответ, наконец с трудом проморгавшись.

Так и есть. Я в съемной квартире Васи. Но как я тут очутилась? Вспомнить не удавалось напрочь.

– Ну, ты позвонила мне ночью, – начала рассказ подруга. – Ревела белугой так громко, что я и слова разобрать не могла. Умоляла тебя забрать...

– Откуда?..

– Вот и я не понимала, откуда. С горем пополам нашла ориентир, приехала, а ты сидишь на тротуаре вся помятая, зареванная... не ожидала от тебя, Вероника!

– А моя машина? – спохватилась я, припоминая, что уеха-

ла от мужа именно на машине.

– Рядом стояла, не убежала, – усмехнулась Вася. – Потом забереешь ее. Мне пришлось такси вызвать, потому что я водить, как ты помнишь, не умею.

– Прости... – только и сумела выдавить из себя в ответ.

– Прощу, если расскажешь, что все это вообще было. И почему тебя не забрал Артем?

По сердцу снова будто ножом полоснули. Артем... Уйти от него оказалось проще, чем сейчас смириться с мыслью, что его в моей жизни больше не будет. Не будет родного дыхания рядом на подушке, букета роз при пробуждения, терпеливого сопровождения при походах по врачам и магазинам...

– Если бы я сама знала, что вчера было, – ответила, нервно сглотнув.

Я панически рылась в собственной памяти, пытаюсь понять, что из тех картинок, что там мелькали – реальность, а что – лишь игра воображения?..

– Там, откуда ты меня забрала, не было рядом бара?

– Я не смотрела по сторонам. Ночь – не то время суток, когда тянет изучать окружающий пейзаж.

– Я что-нибудь говорила?

Подруга задумчиво поцокала языком, потом ответила:

– Дай-ка вспомнить... ты говорила столько всего интересного...

– Вася... – буквально взмолилась я.

– Ладно, – вздохнула та. – Ты повторяла имя Никита. Бормотала что-то о том, какая ты грязная и тебе надо отмыться...

От последних слов меня буквально холод прошиб. Перед внутренним взором так и встали ледяные глаза, пробирающие цепким взглядом буквально до костей – неужели их обладатель мне вовсе не привиделся? Господи...

– Ну? – поторопила меня подруга. – Объяснишь что-нибудь?

Я с отчаянием растерла лицо. Потом попросила:

– Может, сначала угостишь таблеткой от головной боли и кофе?

– Знала, что ты попросишь, – хмыкнула Вася в ответ. – Пошли на кухню.

В старой квартире было странно промозгло. Бросив взгляд за окно, я поняла причину – судя по нахмурившемуся небу, сегодня похолодало, а об отоплении еще и речи не шло.

Вася кинула мне под ноги тапочки:

– Надевай, а то ноги замерзнут.

Я послушно запустила стопы в смешные меховые тапочки с мордочками кошек и невольно улыбнулась – это так похоже на Васю...

Мне на плечи опустился теплый плед и от этого маленького жеста заботы на глазах проступили слезы.

– Спасибо, – произнесла сдавленно.

Передо мной оказалась чашка с кофе, таблетка и стакан

воды. Василиса присела напротив и от насмешливости на ее лице не осталось и следа, когда она снова спросила:

– Ну, что случилось?

Я запила таблетку и втянула в себя аромат кофе, мысленно прикидывая, с чего начать. Рассказывать все в подробностях не хотелось – это было все равно что мазохистски смаковать то, что причиняло чудовищную боль.

Я обрисовала ситуацию буквально в двух словах – как ехала к врачу и увидела мужа с ребенком, как Артем сказал, что это было приключение на один раз и я сбежала, а потом напилась в каком-то пафосном баре.

Про незнакомца, сама не понимая почему, я не упомянула. Возможно, просто хотелось убедить себя в том, что этого не было в реальности.

Ожидала, что подруга сейчас скажет о том, какой Артем козел, но Вася произнесла первым делом совсем иное:

– Ник... ну сколько можно себя мучить? Зря, что ли, ты целый год училась жить заново? Ну зачем ты снова поперлась к врачу?

Меня словно холодной водой окатили. Подобного осуждения я не ожидала. Тем более, что и до врача не доехала.

– У меня был план, – ответила сухо. – Если бы... все было безнадежно, я бы заморозила свои яйцеклетки... на всякий случай... вроде эко или... суррогатного материнства.

Вася только головой покачала. Я же уставилась в свою чашку с кофе, в которую беззащитно вцепилась, и едва

слышно спросила:

– И это все, что ты можешь сказать?

– Не все, – вздохнула Василиса. – Но остальное тебе еще больше не понравится.

– Говори.

Она немного помедлила, потом с неожиданной горячностью произнесла:

– Вот дура ты, Ника, ей-богу!

Сжав челюсти, я молча ждала продолжения.

– Знаешь ведь прекрасно, как Артем тебя любит. Он даже через столько лет на тебя тааак смотрит! И если говорит, что это было по пьяни один раз – значит, так и есть. А что не рассказал ничего – так ведь знал, как тебя это ранит! И с бесплодностью твоей смирился, и по врачам с тобой таскался, кучу денег в это вгροхал...

Я резко встала, с шумом отодвинув стул.

– А с чем смирилась я ты вспомнить не хочешь? – поинтересовалась с горечью. – Спасибо за помощь, но мне, пожалуй, пора.

Подруга стремительно подскочила ближе, удержав меня за руку.

– Ника, ты не обижайся, я же просто как лучше для тебя хочу! Посмотри на меня! Посмотри, как я живу! Мне уже за тридцать перевалило, а ни угла своего, ни мужа, ни детей... Ничего у меня нет! А у тебя все было. Ну, кроме ребенка... Так стоит ли все рушить из-за одной измены? Мужика хоро-

шего быстро подберут, а ты что делать дальше будешь?

Может, она действительно хотела, как лучше, но ее слова больно ранили. Обесценивали меня, как личность. Или я сама себя давно обесценила?..

– Жить буду... как-нибудь, – процедила сквозь зубы. – Я пойду, Вась.

И только оказавшись за порогом, я осознала пугающую реальность – идти-то мне было практически и некуда.

Глава 6

Осенний холод забирался под одежду, ледяными своими прикосновениями выстуживая душу. Я жадно вбирала в себя стылый воздух, пахнувший приближением дождя, и желала только одного – заиндеветь. Заморозить все внутри себя, чтобы ничего не чувствовать.

Слова, сказанные Васей, продолжали меня преследовать, когда шагала прочь от ее дома, сама не задумываясь, куда. Почему она сказала все это? Почему была еще больше в тот момент, когда я так нуждалась в поддержке?

Остановившись на миг, я огляделась вокруг, пытаюсь понять, где нахожусь. Похлопала себя по карманам, убеждаясь, что ключи от машины и телефон на месте. Оставалось еще вспомнить, где я оставила свою верную «Ауди».

Маршрут, по которому ехала накануне, остался в воспоминаниях лишь расплывчатой линией. Я плохо отдавала себе отчет в том, куда двигалась, и еще меньше – во всем, что

было после.

Снова стало мерзко на душе. И с чего я вообще взяла, что тот факт, что мы с Артемом станем квитыми, как-то облегчит мою боль? Нет, я ничуть себе не помогла – лишь упала так же низко, как мой муж.

Впрочем, наверно не было никакого толку искать смысл в собственных пьяных поступках. Оставалось лишь попытаться смириться с содеянным. Как и со всеми остальными неприятностями, что подкинула мне жизнь.

Я снова обвела взглядом окрестности. Надо попытаться вспомнить, как назывался тот бар.

Перед глазами мелькали какие-то разноцветные ошметки воспоминаний, но никак не удавалось ухватиться за самое нужное. От попыток вспомнить заболела голова, а руки сделались холодными на ветру, жадно облизывающем ледяным языком беззащитную кожу.

Взгляд наткнулся на небольшую кофейню с напитками на вынос. Я осознала, что так и не выпила толком кофе. Ноздри ощутили фантомный кофейный аромат с ореховым привкусом и я, сдаваясь перед этой чисто человеческой слабостью, шагнула к двери с заветной вывеской.

Я не знала, который сейчас час, но, судя по немногочисленным посетителям, было еще утро. Приблизившись к кассе, сделала заказ и, расплатившись через телефон, пять минут спустя снова вышла на улицу.

Горячий напиток сквозь бумажный стаканчик приятно

грел руки. Сориентировавшись на местности, я зашагала в ту сторону, где, как помнила, был небольшой парк. Хотелось о многом подумать и быть при этом подальше от людей.

Я зашла в самый дальний уголок парка и присела на скамью. Легкий пиджак почти не грел, но, погруженная в свои мысли, я уже едва ощущала холод.

Пригубивая кофе, я размышляла. В первую очередь, стоило подумать, где мне теперь жить. Собственного жилья так и не приобрела, а возвращаться к матери...

Я поморщилась, как от неприятной боли. Она любила меня и я любила ее. Но сейчас общество мамы рисковало стать самым невыносимым на свете. Она обожала Артема. Она едва ли не возвела его в лик святых, неустанно повторяя, как мне повезло с мужем.

Наверно, ее мышление было объяснимо. Мой собственный отец, которого я никогда не знала, бросил маму, едва узнав о ее беременности. На этом фоне Артему было совсем нетрудно показаться ей идеальным.

Но ведь и мне самой казалось, что он таким и был. С самого детства не зная рядом надежного мужского плеча, я охотно позволила ему заботиться обо мне. Он олицетворял собой все то, чего мне так не хватало в жизни. Он готов был брать на себя ответственность, он не мешкал в сложных ситуациях, он... точно знал, чего хочет.

С самой первой нашей встречи.

Шесть лет назад

Я недоуменно смотрела на старый, едва ли не разваливавшийся на глазах рояль. Первое же прикосновение к инструменту показало – он безнадежно расстроен. Извлечь из него какие-то мало-мальски адекватные звуки просто не представлялось возможным.

Я растерянно почесала бровь. Меня пригласили в этот ресторан, чтобы обеспечить живую музыку на корпоративе какой-то фирмы. Но никто и не подумал предупредить о том, что играть тут было попросту не на чем.

И что мне теперь делать?.. Я пробежалась взглядом вокруг себя в поисках кого-то, к кому можно было обратиться с этой проблемой. Хотя сомневалась, что ее вообще возможно решить – вряд ли они держали при себе настройщика. Судя по всему, рояль вообще давно превратился в предмет мебели, который до сих пор не выкинули только по той простой причине, что было лень возиться с такой машиной.

Заметив среди сновавших по залу туда-сюда официантов, накрывавших на столы, администратора, я устремила к ней. Как ни соблазнителен был гонорар за этот вечер, а мучать инструмент и себя смысла не было никакого. Вряд ли эта фирма, нанявшая меня, желала испортить своим сотрудникам корпоратив адской какофонией, способной попросту оглушить.

– Извините, – окликнула я женщину с бейджем, на котором красовалось «Татьяна, администратор».

– Да? – обернулась она ко мне с недовольным лицом.

– Я Вероника, приглашенная пианистка. К сожалению, на вашем рояле просто невозможно играть – инструмент расстроен...

– Так утешьте его! – фыркнула та в ответ. – Вам за что платят?

– Мне платят за игру, а не за пытки слушателей, – сухо ответила я.

– Ну а я что могу? – передернула она нетерпеливо плечами. – Мне позвонили, спросили, есть ли рояль. Я ответила, что да, а для чего он там нужен – дело не мое. Рояль есть? Есть. Делайте с ним, что хотите!

Я потрясенно смотрела на женщину. Это был первый раз, когда сталкивалась в своей жизни с таким вопиющим непрофессионализмом.

– Вам стоило позаботиться о том, чтобы инструмент был в пригодном для игры виде. Вы этого не сделали. Объяснять, почему, будете теперь своему начальству...

Ответить на мои слова администратор не успела – рядом вдруг оказалась внушительная мужская фигура, для подобных габаритов подошедшая к нам удивительно незаметно.

– Что случилось? – поинтересовался мужчина, переводя взгляд с администратора на меня. На мне его глаза вдруг задержались, оглядывая так внимательно и так... интимно, словно это был не зрительный контакт, а узнавание на ощупь.

Я неожиданно вспыхнула и отвела взгляд. Татьяна, тем временем, не растерявшись, сказала:

– Артем Сергеевич! Вот, пианистка эта отказывается играть на вашем празднике! Мы ей дали прекрасный рояль...

– Да на нем невозможно играть! – горячо вмешалась я. – Он того гляди рухнет от первого же прикосновения!

– А вы играйте аккуратнее! – огрызнулась администратор.

– Я сам разберусь, – откликнулся мужчина. – Можете быть свободны, Татьяна.

Он говорил это администратору, но смотрел при этом на меня. И его темные глаза завораживающе смеялись, словно вовлекая меня в какую-то тайну на двоих.

– Давайте посмотрим, – предложил он, галантным жестом предлагая мне пройти вперед.

Я направилась к роялю, всей кожей ощущая позади себя его присутствие. Это было так странно... и одновременно волнующе.

– Пожалуйста, – махнула я рукой на рояль и, склонившись над ним, выжала из несчастного инструмента несколько звуков. Рояль неохотно заскрипел в ответ, и от этих надрывных стонов, ничем не напоминающих музыку, я ощутила себя так, словно пытаю несчастный инструмент.

– Да уж, – хмыкнул рядом тот, кого администратор назвала Артемом Сергеевичем. – Впрочем, могу вас утешить – люди приходят на корпоративы, чтобы выпить. И их вряд ли будет волновать, что вы играете и как.

Оскорбленная, я подалась назад. Видимо, прочтя реакцию на свои слова по моему лицу, Артем приглушенно, но от это-

го еще более будоражаще, рассмеялся.

– Я не сказал, что мне самому все равно, – заметил он, словно оправдываясь. – Я очень надеялся послушать вашу игру сегодня.

Он протянул мне руку:

– Я – Артем, глава той фирмы, что вас пригласила.

Немного смягчившись, я коротко пожала его руку, вздрогнув от прикосновения к горячей, чуть суховатой коже. И все же была вынуждена сказать:

– Очень приятно, Вероника. Но, к сожалению, с этим инструментом уже ничего невозможно исправить. Так что простите, но делать мне тут больше нечего.

Я отвернулась, испытывая странное сожаление от сказанного. Но прежде, чем успела распрощаться, мужская ладонь аккуратно накрыла мою.

– Ну почему же нечего делать? Вы можете остаться. И, надеюсь, не откажете в танце своему будущему мужу.

Его губы тронула легкая улыбка, но глаза были теперь поразительно серьезными...

Кто-то аккуратно коснулся моего плеча. Я испуганно вздрогнула, едва не выронив из рук стаканчик с остатками давно остывшего кофе.

Взгляд скользнул вбок, тут же уловив движение рядом. Мне на плечи опустилась какая-то ткань, укрывая от ветра и холода, которые до этого момента даже не замечала.

Знакомый запах парфюма с нотками вишни и миндаля

проник в ноздри, и я буквально похолодела от осознания того, кто находится позади меня.

– Так и знал, что найду тебя здесь, – проговорил Артем, выходя из-за моей спины.

Я не посмотрела в его сторону, но почувствовала, как он присел рядом на скамейку. Не настолько близко, чтобы соприкоснуться телами, но и не настолько далеко, чтобы не дотянуться рукой.

Первым прорывом было встать и уйти. Но невозможно было бесконечно бегать от всей этой ситуации. Даже если уже знала ее исход.

– Как?.. – только и спросила я.

Не нужно было уточнять – он понимал меня, казалось, даже без слов. И от осознания того, как мы были близки, внутри снова мучительно зануло.

– Позвонил Василисе и узнал, что ты была у нее. Нетрудно было догадаться, что ты направишься в парк.

Он говорил это просто, без всякого чувства собственного превосходства и самолюбования.

– Даже я не знала, что пойду сюда, – усмехнулась я печально.

– Кстати, я пригнал твою машину, – сказал Артем все с тем же спокойствием.

Я уронила голову на руки и горько рассмеялась. Вот так было всегда – я успела только подумать, а он уже обо всем позаботился.

Это было такое привычное, такое приятное чувство, что хотелось заплакать. Как же сложно осознавать, что придется лишиться всего того, что было мне так дорого.

А может, Вася была права? Может, я была слишком категорична, может, рубила сгоряча?..

Мы оба молчали. Я пыталась взвесить все в голове, но присутствие Артема путало мысли. Снова, как в самую первую встречу, как всегда впоследствии, его нахождение рядом ощущалось слишком остро.

Я бессмысленным взглядом смотрела, как ветер гуляет среди пожелтой травы, лениво переваливая с места на место первые опавшие листья. Чувствовала себя при этом такой же умирающей, как тот самый лист, сорвавшийся с дерева в неизвестность.

– Ника... – проговорил наконец Артем. – Я знаю, что заслужил твое презрение. Но я... очень хочу, чтобы ты поняла меня.

Понять его?.. Разве он сам не сознавал, что невозможно понять и принять то, что он ударил по самому больному месту?

– Я ехала к врачу, – проговорила глухо в ответ. – Знаю, что ты был бы против, но я уже была готова на самые отчаянные меры. Думала, что, в крайнем случае, мы можем рискнуть и пойти на суррогатное материнство. Лишь бы... лишь бы у нас наконец появился долгожданный ребенок! Тема! Я же всю жизнь тебе отдала! За что ты так?..

Я заметила, как он сжал кулаки, выдавая тем самым свое отчаяние, которое никогда бы не признал вслух.

– Я не прошу понять мой поступок – ему нет оправдания. Прошу лишь понять, почему я тебе не признался.

Я подняла на него взгляд. Последнее, что мне было нужно – это выслушивать его оправдания. Но не слушать я почему-то не могла.

– Ника, я как тебя никого не любил, – выдавил он с видимым трудом. – Ты ведь знаешь... И страх потерять тебя буквально отключил мне мозги. Я знал, что ты подобного не простишь.

Он вдруг подался вперед. Аккуратно забрал из моих рук стаканчик с кофе, поставив его рядом. Накрыв ладонями мои и с молчаливой мольбой сжал.

– Не могу, не хочу верить, что все вот так закончится. Из-за какой-то одной ошибки! Не могу тебя отпустить...

Он сжал мои руки сильнее, почти причиняя боль. Впрочем, не столь сильную, как его слова.

– Мы же столько прошли вместе, – продолжал он говорить. – Неужели это ничего для тебя не стоило?..

Я резким движением выдернула свои руки и встала.

– Стоило, – откликнулась с горечью. – Это стоило мне всего – любимой работы, друзей, здоровья. А в ответ я не заслужила даже твоего доверия.

Стянув с себя плащ, я кинула его Артему. Но он отбросил его прочь, поднявшись следом за мной.

– Я тебя не отпущу, – повторил твердо.

Поразительно, но его настойчивость, когда-то меня покори́вшая, теперь пугала. Вероятно, потому, что стала отныне нежеланной.

– Урок номер раз, Орлов, – проговорила я устало. – Не все в этой жизни решаешь только ты.

И пока он переваривал это заявление, я быстрым шагом пошла прочь.

Глава 7

Машина обнаружилась на парковке с западной стороны парка. Я занырнула в салон, только теперь ощутив себя в безопасности, словно простой кусок железа мог отгородить меня ото всего плохого, оставшегося снаружи.

Артем на этот раз за мной не пошел. И это, наверно, было к лучшему.

То, что он отступил, то, что не стал давить, сейчас странным образом говорило в его пользу. Словно чувствовал – именно теперь его настойчивость может сделать только хуже.

Но и без его физического присутствия здесь я все равно ощущала себя так, будто Артем незримо был рядом. Несмотря на то, что это была моя машина, некоторые мелкие детали неумолимо напоминали о муже – зарядка его айфона, едва уловимый аромат вишни с пассажирского сиденья, забытые им в бардачке солнечные очки...

На глаза снова навернулись слезы. И, словно вторя моему

настроению, по крыше машины жалобно застучал давно назревавший дождь.

Я зло стерла зачатки слез с глаз. Не время раскисать. Время доказывать, что еще способна на что-то самостоятельно.

Только сейчас я поняла, что не задала мужу самых банальных вопросов – как долго это все продолжалось? Спал ли он с ней с тех пор? Как представлял теперь наши дальнейшие отношения в свете открывшейся многолетней лжи?..

Но спрашивать обо всем этом означало бы, что я допускаю мысль о том, чтобы его простить.

А я не знала, смогу ли. Я сейчас вообще ничего не знала, полностью сбитая с ног, потерянная и как никогда одинокая.

Счастливые моменты, привычные детали жизни переплетались с осознанием лжи и измены, разъедались невыносимой болью, как кислотой. Любовь и страх потери боролись внутри меня с недоверием, ощущением себя преданной. И все хорошее, что связывало нас столько лет, теперь было запачкано и отравлено простым фактом: меня обманывали. И если он лгал в чем-то одном, как я могу быть уверена, что от меня не было скрыто что-то еще?..

Я прикрыла глаза, борясь с удушливой болью. Мне не найти сейчас ответов на свои вопросы. Со всем, что случилось, нужно просто сжиться, переварить, переболеть. Сейчас я ничего не могу решать.

Но кое-то решить все же следовало незамедлительно. Например, где мне теперь жить?

Я вспомнила, что кое-какие собственные средства, заработанные еще тогда, когда я давала концерты, должны были остаться у меня на счету. Я никогда не откладывала деньги на черный день, предпочитая жить здесь и сейчас, но кое-что должна была все же сохранить.

Я открыла приложение своего банка и с облегчением убедилась, что небольшой запас средств у меня еще есть. На это вполне можно было снять скромное жилье и протянуть месяц-другой. Но если оставаться реалистом, то стоило признать – неизвестно, когда я снова смогу вернуться в профессию. Возможно, мне это не удастся вовсе. И тогда придется искать какие-то иные пути и другие способы заработать себе на жизнь. И один бог знал, на какой срок это все растянется. Следовательно, я вряд ли могла позволить себе траты на отдельное жилье.

Тяжело вздохнув, я была вынуждена признать – у меня нет другого выхода, кроме как попроситься обратно к матери.

– Только ничего не говори сейчас! – взмолилась я буквально с порога, предупреждая выставляя перед собой ладони, когда мама открыла мне дверь.

Я боялась, что она сходу приступит к нотациям, но этого не последовало. Пропустив меня в квартиру, мама лишь оглядела меня с ног до головы и поинтересовалась:

– Что с твоими волосами?

Я кинула взгляд на себя в зеркало – волосы были не самым ужасным из того, что предстало моим глазам. Да, при-

ческа безнадежно растрепана, а макияж – размазан, но помимо этого имелся еще помятый и местами грязный костюм, прямо в котором накануне и уснула.

Я поморщилась при виде того, на что была похожа. И почему-то вспомнила глаза Артема – он смотрел на меня также, как всегда. Не замечая моего ужасного внешнего вида, он смотрел, казалось, прямо в душу. Его взгляд заставлял забыть о неопрятности и жалкости собственного облика.

Внутри снова шевельнулись сомнения, зароненные словами подруги. А будет ли кто-то еще смотреть на меня так, как Артем?..

Я отмахнулась от этой мысли. Я слишком уязвима сейчас, слишком ранена.

– Пора бы покраситься, цвет освежить, – продолжала, тем временем, мама.

Я стояла перед ней, разбитая и расхристанная, а ее волновало только то, что мои волосы поблекли. Впрочем, я была ей за это даже благодарна. Все лучше, чем говорить о том, почему я вообще приехала.

– Да... потом, – ответила ей рассеянно.

– Ты надолго?.. – поинтересовалась она в ответ и я, готовясь к неизбежным вопросам, сказала:

– Пока не знаю.

Но комментариев не последовало. Вместо этого мама произнесла:

– Я тебе ванну наберу, помоешься.

И я с благодарностью кивнула. Мне было уже тридцать три года, но здесь, в старой квартире, где провела большую часть жизни, я снова чувствовала себя ребенком. И это было сейчас именно то, в чем я действительно нуждалась. Именно то, чего неосознанно искала.

Сбросив с себя грязную одежду, я нашла в шкафу старую футболку и шорты и с облегчением их на себя натянула. Словно сбросив костюм, бывший свидетелем моего кошмара, сбросила с себя и часть тяжелой ноши, давящей на душу.

Мой взгляд пробежался по знакомой обстановке и замер, наткнувшись на старое пианино. Влекомая тягой, над которой не властны были обстоятельства и долгие дни простоя, я подошла к инструменту и с любовью коснулась полированной черной крышки. На этом пианино я когда-то училась играть.

Приподняв крышку, я устроилась за инструментом и нерешительно занесла пальцы над клавишами. Руки дрожали, желая и одновременно боясь прикоснуться.

Сколько же лет я не играла! С тех самых пор, как...

Четыре года назад

Муж хмуро смотрел на то, как я упаковываю в чемодан свои вещи. Его неодобрение читалось во всей его позе, молчаливым упреком витало в воздухе.

Вздохнув, я положила в чемодан еще одну блузку и выпрямилась, посмотрев на Артема.

Мы были женаты вот уже полтора года. Полтора года, по-

хожих на сказку, которую омрачало только одно – Артему не нравились мои отъезды на гастроли.

Он сам прекрасно зарабатывал. Дела его фирмы, занимавшейся строительством, шли хорошо. И, по мнению мужа, не было никакой нужды в том, чтобы я работала.

Но я просто не могла иначе. Я любила его, но мне было важно оставаться отдельной личностью. Было важно что-то из себя представлять, а не просто быть женой предпринимателя.

– Пожалуйста, не смотри на меня так, – попросила я, чувствуя себя словно бы виноватой в том, что хотела немного иного от жизни. – Я тоже буду безумно по тебе скучать.

Артем вздохнул и, подойдя ближе, привлек меня к себе. Словно бы нехотя, проворчал:

– Не понимаю, зачем тебе это. Я же могу дать тебе все...

Все, кроме чувства самодостаточности, – подумала я про себя.

– Мы это уже обсуждали, – произнесла как можно спокойнее. – Музыка – это часть меня...

– Так играй дома! Играй для меня одного...

Его руки, сомкнувшиеся у меня за спиной, стали словно обжигающими. Пальцы требовательно, настойчиво впились в кожу. Он скользнул поцелуем по моим губам – быстро, почти невесомо, словно дразня; коснулся губами уха, спустился к шее...

Мое дыхание стало прерывистым, тело – податливым вос-

ком в его руках. И как ему удавалось зажечь во мне желание так быстро и так остро?..

Руки Артема прижали меня к себе крепче, вдавливая в тело, поцелуи – стали более жадными, алчущими... Я беспомощно застонала, не в силах устоять перед этим напором.

– Ты моя, Ника... – бормотал он между поцелуями. – Я хочу тебя... хочу всегда... рядом...

А потом все прервалось так же внезапно, как началось. Артем отстранился и, растерянно проведя рукой по волосам, сказал:

– Ник, дело не только в том, что я скучаю. Я боюсь, что... твои гастроли... плохо влияют на наши попытки зачать ребенка.

Его слова попали по самому больному месту.

Мы не планировали детей нарочно – просто в какой-то момент отказались от защиты, предоставив все решать за нас природе и случаю. И тот факт, что вот уже больше года я не могла забеременеть, начинал вызывать серьезное беспокойство. Обычно мы избегали этой темы, но теперь, когда Артем высказал свои опасения вслух, мой собственный страх словно бы стал реальнее.

Заметив мое помертвевшее лицо, он взял мои руки в свои и легонько сжал. Проговорил, осторожно подбирая слова:

– Я не прошу тебя насовсем бросить музыку. Только на некоторое время, пока все не получится... Посвяти себя мне. Подари мне ребенка...

Эти слова пробирали до глубины души, делали меня беспомощной перед ним, заставляли испытывать чувство вины от того, что ничего не получилось само по себе.

– Я подумаю об этом, ладно? А теперь мне надо срочно ехать в аэропорт...

Это были мои последние гастроли.

К музыке я больше так и не вернулась.

– Никааа, ванна готова!

Голос мамы вернул меня к реальности. Вздвогнув, я нечаянно задела застывшие в ожидании прикосновения клавиши, и пианино откликнулось на мое движение глубоким, просящим звуком.

Но я тут же отдернула пальцы. Я была еще не готова снова попытаться играть. Была не готова к тому, что может вдруг оказаться, что я играю уже не так, как раньше. Что из вполне состоявшейся пианистки превратилась в посредственность.

– Иду, – крикнула в ответ.

Расслабляющая ванна сейчас казалась мне просто пределом мечтаний.

Для всего остального еще будет время. Тогда, когда я смогу это выдержать.

Глава 8

Следующие три дня прошли в бессмысленном, но совершенно необходимом мне сейчас безделье. Я ела мамину стряпню, смотрела кино и различные ролики на Ютубе,

читала книги и просто пыталась... дышать. Пыталась уговорить себя, что жизнь продолжается. Что возможно существовать и без всего того, что казалось неотъемлемой частью меня.

За это время я выбралась из дома только раз – чтобы забрать свою машину со стоянки у парка. Ехать тогда на ней к матери я не рискнула – один бог ведал, сколько алкоголя было в моей крови после той ночи отчаяния.

Артем писал мне каждый день. Не спрашивал банальных вещей, вроде того, как я себя чувствую – понимал это наверняка и так. Все его сообщения говорили лишь о том, как он любит. Как отчаянно без меня не может.

Но попыток увидеться он больше не предпринимал, хотя наверняка прекрасно знал, где я. И мне сложно было понять, что я чувствую по этому поводу – разочарование или облегчение.

Конечно, я скучала по нему. Но скучала по тому человеку, каким знала его прежде. Каким, быть может, только воображала его себе. Скучала по тому Артему, который окружал меня заботой и любовью. Который не предавал...

Но его больше не было. Образ идеального мужчины треснул, обнажив неприглядную суть. И я понятия не имела, смогу ли жить дальше с этим незнакомцем.

– Кушать будешь? – поинтересовалась мама, приоткрывая дверь в комнату, где я засела, словно раненное животное – в своей норе, чтобы тайком от всех зализать раны.

– Ты меня и так уже закормила, – улыбнулась я слабо в ответ.

Мама оглядела меня критически и вместе с тем – с каким-то затаенным сожалением. Вздохнув, произнесла:

– Ты бы хоть погулять вышла, воздухом подышала. Или, может, давай в магазин съездим? Тебе ведь и надеть-то нечего – в старых вещах выйти на улицу стыдно...

Я рассеянно оглядела порядком поношенные шорты и футболку, рисунок на которой выцвел до полного непонимания того, что там было прежде. Покачала головой:

– Нет. Я скоро съезжу за своими вещами, привезу необходимое.

Мама кивнула и, немного помявшись на месте, все же сказала:

– Ты просила, конечно, это не обсуждать, но...

Я закусила губу, чтобы не застонать вслух.

– Не буду я тебя жизни учить – ты не маленькая, – продолжала она. – Не знаю, что там у вас такое стряслось и все же подумай – а стоит ли это того, чтобы потерять все...

Под этим «все» мама, конечно, имела в виду не только наши с Артемом отношения, но и мою в целом безбедную жизнь. Вот только деньги были совсем не тем, что я ценила в этом браке. Но мама, вынужденная всю жизнь тяжело работать, смотрела на вещи куда прагматичнее. Для того, чтобы считаться в ее глазах хорошим мужем, Артему было достаточно прилично зарабатывать.

Растерев руками лицо, чтобы немного прийти в себя, я открыла на телефоне календарь – был вторник. Насколько помнила, именно в этот день Артем проводил совещания, а значит, ни по какой причине дома его быть не могло. Следовательно, сейчас было самое подходящее время, чтобы забрать наконец из квартиры свои вещи, не рискуя при этом столкнуться с мужем.

В квартире пахло так же, как всегда. К привычному ароматизатору воздуха примешивался знакомый запах роз. Влекомая им, я прошла в спальню и на пороге остановилась, удивленная.

На тумбочке стоял традиционный розовый букет. Цветы были совсем свежими, едва распустившимися. Я подошла ближе, заметив небольшую записку между пышных бордовых бутонов. Протянув руку, взяла ее и прочла:

«Они всегда ждут тебя дома. И я тоже.»

Я отдернула пальцы, словно обжегшись. Он знал, что я вернусь. Он ждал... все эти дни ждал, покупая, как прежде, свежий букет. Словно я никуда и не уходила.

Предательская влага затуманила взгляд. Я поспешно вышла из спальни, пытаясь подавить острую тоску, которую рождали привычные, дорогие сердцу вещи.

Сделав несколько глубоких вдохов, я попыталась взглянуть на знакомую обстановку трезвым взглядом. И впервые задалась вопросом – а столь ли много было от меня в этой квартире, где прожила несколько лет?..

Конечно, здесь была моя одежда. На туалетном столике – коллекция ароматов в круглых стеклянных флаконах от старины Вильгельма. И на этом – все.

Рояль, который я когда-то выбирала с огромной любовью и купила на собственные средства, был вывезен на загородную дачу – Артем говорил, что это временно, пока мы не закончим в новой квартире ремонт. Но дорогой сердцу инструмент так и не въехал в этот новый дом. Как и некоторые другие вещи из моего прошлого, вроде книг и мелких безделушек.

Так был ли этот дом по-настоящему моим? Или я просто растворилась в чужих желаниях, потеряв себя саму?..

От этих размышлений меня отвлек негромкий, словно бы нерешительный стук в дверь. Нахмурившись, я подошла и заглянула в глазок. На площадке стояла совершенно незнакомая мне девушка.

Движимая чем-то неясным, я приоткрыла дверь и с молчаливым вопросом на нее уставилась.

Она смотрела на меня с ответным любопытством. В глазах читалась настороженность и надежда.

Мы изучали так друг друга несколько мгновений, пока она наконец не спохватилась и не затараторила:

– Здравствуйте! Ника, вы меня не знаете... Я – Лиза, мама Никиты...

Услышав это, я автоматически попыталась закрыть дверь, но девушка успела выставить вперед руку. С неожиданной

горячностью она взмолилась:

– Я знаю, что вы меня ненавидите! Но, пожалуйста, позвольте с вами поговорить! Все совсем не так, как вы думаете!..

Глава 9

Только этого мне и не хватало! Словно было мало всего того, что уже случилось, чтобы уничтожить меня до основания, так еще женщина, которая родила от моего мужа, явилась прямым к нам домой!

Я смотрела на нее, разрываясь между желанием захлопнуть дверь и ничего не слушать и не знать и смятением, в которое меня окунули ее последние слова.

«Все совсем не так, как вы думаете»...

Что нового она могла мне поведать? Эта стажерка, готовая раздвигать ноги перед боссом? Как она, должно быть, радовалась, когда обнаружила, что беременна!..

Я смотрела на нее, стараясь пробудить в себе ту ненависть, о которой она сама говорила. Но испытывала только злость от того, что ее огромные, умоляющие глаза, вызывали во мне скорее тревогу, чем эту самую ненависть.

Я распахнула дверь шире, позволяя ей пройти внутрь. Она остановилась у самого порога, словно не решаясь идти дальше. Я окинула ее пристальным, изучающим взглядом, стараясь не упустить ни единой детали, вдруг отчаянно пожелав понять – почему он выбрал именно ее?

Широко распахнутые светлые глаза казались слишком

огромными для такого хрупкого, по-детски наивного лица. Да и вся она была какая-то очень изящная и маленькая, напоминая собой Твигги в ее самые знаменитые годы. На фоне ее нежной кукольности я вдруг показалась себе слишком высокой и неуклюжей.

– Что вы хотели? – начала я разговор первой, не выдержав неловкости, которую рождало ее присутствие.

Она вдруг затравленно огляделась по сторонам и негромко уточнила:

– Его нет?..

Я взметнула вверх брови и неприятно улыбнулась:

– А что, вам есть что скрывать от Артема?..

Девушка поежилась, как от холода и пробормотала – так тихо, что я едва ее расслышала:

– Он убьет меня, если узнает...

Ее слова заставили меня нахмуриться. Она говорила это так... серьезно, словно считала, что мой муж действительно на это способен.

– Присядьте, – махнула я рукой на диван в гостиной. – Чай предлагать, уж извините, не буду – я здесь, видите ли, больше не живу.

Она вдруг нервно закивала – то ли в ответ на мои слова, то ли в тон каким-то своим мыслям.

– Так что вы хотели? – снова спросила я, не желая терпеть ее общество слишком долго.

Она прерывисто втянула в себя воздух, словно набираясь

сил перед прыжком и вдруг выпалила:

– Вы на самом деле ушли от него?

Я устало прикрыла глаза. Так за этим она пришла? Убедиться, что путь свободен и законная жена исчезнет наконец с горизонта и перестанет ей мешаться?

– Я пришла, чтобы забрать свои вещи. А вот что тут делаете вы – мне до сих пор неясно.

Она нервно мяла подол своего цветастого платья, будто бы желая и одновременно не решаясь что-то сказать.

– Лиза, или вы говорите, за чем пришли, или, пожалуйста, не отнимайте мое время, – не выдержала я.

Она взметнула на меня испуганный взгляд. Видимо, страх, что я выгоню ее, победил перед неуверенностью в том, стоит ли говорить мне то, что хотела, и Лиза выпалила:

– Вы, наверно, думаете, что я какая-то коварная... испорченная девка, которая нарочно забеременела от вашего мужа...

– Именно так я и думаю, – подтвердила охотно, сложив на груди руки. – А что, это не правда?

Едва успев присесть на диванчик, девушка вскочила с него и, сжав руки в кулаки, едва ли не закричала:

– Нет! Он... Он меня изнасиловал!

Услышав это, уже была вынуждена присесть я. В поисках опоры, не в силах совладать с подкосившимися ногами, упала в ближайшее кресло, с ужасом глядя на незваную гостью, каждую секунду ожидая, что она сейчас рассмеется и скажет,

что это просто шутка.

Но она смотрела на меня с отчаянием, своими огромными глазами выискивая чего-то на моем лице...

– Вы мне не верите, – наконец констатировала с обреченностью в голосе и взгляде.

Я нервно, отрывисто рассмеялась.

– А чего вы ждали? Вы пришли ко мне и говорите чудовищные вещи о моем муже...

Следующая мысль ударила в голову неожиданно, порождая новые вопросы.

– И откуда вы вообще знали, что я буду здесь?

– Я не знала, – помотала она головой. – Он сказал, что вы ушли... что его не надо ждать в ближайшие дни... и я тогда поняла, что мне надо вас найти... я надеялась, что вы придете сюда... и мне повезло.

– А где ваш сын? – холодно поинтересовалась я, прервав ее беспорядочное бормотание. – С кем вы оставили ребенка на то время, что выслеживали меня?

Мой тон, мои вопросы породили, казалось, в ней волну настоящего ужаса. Мне даже показалось, что она сейчас выбежит прочь и скроется также внезапно, как появилась на пороге квартиры.

– Ник с моей мамой, – наконец ответила она. – Я... мне было очень нужно с вами поговорить!

– Что ж, вот мы и поговорили, – передернула я плечами. – Я только одного не могу понять – если то, что вы говорите –

правда, почему молчали столько лет? Почему, в конце концов, пришли с этим именно ко мне, а не пошли в полицию?

Она захлопала длинными ресницами, словно не ожидала подобного вопроса. Помолчав, произнесла:

– Я боялась. Он угрожал мне...

Я приподняла брови. Артем? Угрожал? Конечно, у него был властный характер, но то, что она говорила, никак не вписывалось в картину того, каким я сама знала своего мужа.

Впрочем, еще недавно я не поверила бы, что у него может быть незаконный ребенок. И если бы не видела этого лично...

– И что же изменилось теперь? – спросила я устало.

– Вы... вы ушли от него, – в ее глазах мелькнуло странное, совершенно неуместное восхищение. – Вы не испугались и я... я поняла, что так можно... что я тоже могу быть смелой...

Это было уже слишком для меня.

– Уходите, – попросила я, больше не в силах ни слышать ее, ни видеть.

Она вновь стушевалась, сделала было несколько шагов к двери, но вдруг развернулась и быстро, стремительно подойдя ко мне, сунула мне в руку какую-то бумажку.

– Если вдруг захотите поговорить... позвоните мне... – проговорила торопливо и, больше не оборачиваясь, вылетела пулей из квартиры.

Я на автомате сунула бумажку в карман и обвела взглядом

комнату. После визита этой... Лизы, дом показался мне еще более чужим. Еще более пропитанным обманом. И где правда, где ложь – я уже была не в силах разобраться.

Не в состоянии больше находиться здесь, я спешно прошла в гардеробную, бросая в сумку первые попавшиеся вещи и столь же стремительно сгребла с полки принадлежащие мне документы, после чего быстро покинула квартиру, где все теперь напоминало о предательстве и измене. И ничего – о былом счастье.

Словно его и не было.

Глава 10

Я закинула чемодан и сумку в багажник и, словно за мной кто-то гнался, стремительно запрыгнула в салон, желая только одного – ни о чем не думать. Ничего не видеть. Ничего не знать.

Но монстры, что меня преследовали, были не какими-то реальными чудовищами, от которых можно было спастись за высоким забором – нет, они поселились, прежде всего, в моей голове.

Хотелось встряхнуться и тем самым отцепить от себя всю ту грязь, что налипла за последние дни. Хотелось взять собственные мысли, будто шелуху, и выкинуть, как ненужный мусор. Но это было невозможно. Не было никакого спасения от всего того, что пожирало изнутри.

Дикие, жестокие картины гнались за мной по пятам, как

озверевшая стая хищников. Десятки отрицательных тестов, на которые смотрела с ужасом и отчаянием... ребенок на руках моего мужа... и эта... женщина, утверждавшая, что Артем способен на изнасилование.

Я ехала обратно к матери – в тихий мирок, где хотелось затеряться, но, как бы старательно ни смотрела на дорогу, видела перед собой все то, что хотела бы забыть.

Когда я затормозила у дома, меня уже почти трясло. Так и не взяв с собой вещи, за которыми ехала, я взбежала по ступенькам на шестой этаж и выдохнула, только оказавшись в квартире.

Мамы дома не было. Наверно, сейчас это было только к лучшему. Я не хотела ничего – ни вопросов, ни жалости. Я хотела перестать существовать. Или уснуть и проснуться только тогда, когда весь этот ужас закончится. Когда смогу снова свободно дышать...

Я опустила на постель, бессмысленным взглядом обведя так хорошо знакомую обстановку. Мама не изменила здесь ничего – комната оставалась такой же, как тогда, когда я здесь жила. Казалось, что та, кажущаяся сейчас столь далекой Ника, просто вышла из нее ненадолго и вскоре вернется.

Но не было больше той Ники. Она пошла за человеком, который казался ей воплощенной мечтой, и в нем же без остатка растворилась. А Ника нынешняя пыталась собрать себя по осколкам, но они никак не складывались в единое целое.

Мимо меня текли минуты, а может, и часы, но ни сердце, ни разум, не находили ни в чем покоя. Мой беспокойный взгляд в очередной раз скользнул по старому пианино и, подчиняясь этой тяге, я подошла к инструменту. Музыка всегда помогала мне прежде – в ней можно было спрятаться ото всего, потеряться на долгое время. У музыки я искала помощи и теперь.

Пододвинув стул, я села за пианино и, прикрыв глаза, предоставила рукам возможность действовать на ощупь. Первое касание клавиш – и я отключилась ото всего, растворилась в мелодии, даже не осознавая, что именно играю.

Сколько так прошло времени – я не знала сама. Просто играла, выплескивая через музыку всю боль, всю растерянность и все непонимание, что делать дальше. Чему верить.

Остановилась я только для того, чтобы сделать глубокий вдох. И тут же услышала позади себя деликатные аплодисменты.

– Ты играешь все так же прекрасно, – сказал до боли знакомый голос.

Вздрогнув, я обернулась. Артем стоял у двери, опершись на косяк и смотрел на меня так... странно, что я впервые в жизни не могла бы сказать, что плещется в его глазах. Они мрачно, как-то лихорадочно блестели. Казалось, восторг в них боролся с чем-то темным, опасным.

Только теперь я поняла, что на моих собственных глазах проступила предательская влага. Отвернувшись, я вытерла

слезы, и, не поворачиваясь к мужу обратно лицом, спросила:

– Как ты вошел?

– Мама открыла.

Я закусила губу. Это его «мама», хоть он и всегда так называл свою тещу, теперь казалось издевательским и неправильным.

Собравшись с духом, я все же посмотрела на него. Старалась делать это беспристрастно, словно впервые вижу. Изучала это давно хорошо знакомое лицо, как чужое, и задавалась вопросом – способен ли был этот человек на насилие?

И с ужасом поняла, что не знаю ответа.

– Что тебе нужно? – спросила как можно спокойнее.

И только теперь заметила увесистую сумку в его руках.

Артем подошел ближе, изучающим, ищущим взглядом заглянул мне в глаза. И было в выражении его лица что-то такое неизбывно печальное, что сердце у меня дрогнуло.

Разве мог в одном человеке таиться опасный насильник и заботливый, внимательный мужчина? Разве мог злодей смотреть вот так – с затаенной мольбой, с невысказанным отчаянием?

– Ты пальто не взяла, – сказал Артем, кивая на сумку, которую поставил у моих ног. – А скоро похолодает еще сильнее. И ты забыла свои любимые ботильоны, из которых осенью почти не вылезаетесть...

И снова – эта забота, от которой веяло таким дорогим, хорошо знакомым теплом. И снова он подумал о том, о чем

я сама забыла...

– Спасибо, – откликнулась коротко.

Он огляделся по сторонам, не решаясь, казалось, на следующий шаг. Все же присев в итоге на край постели, негромко сказал:

– Мне так пусто без тебя дома...

Я поджала дрогнувшие губы. Чувство самосохранения кричало, буквально сиреной вопило, что нельзя его слушать. Что надо попросить уйти.

Так было лучше для меня, так было правильно. Но многие ли из нас, зная, как правильно в теории, поступали так и в жизни?..

– Мне так хочется взять тебя сейчас на руки, – продолжал, тем временем, муж. – Закинуть, будто варвар, на плечо и унести домой. Но еще мне хочется, чтобы тебе было хорошо. Я понимаю, что сейчас только мешаюсь и это... трудно принять. Хотя я всегда хотел лишь одного – сделать тебя счастливой. И на все ради этого был готов...

– Наверно, и ребенка другой женщине ты заделал с той же мыслью, – едко заметила я, пытаясь сарказмом спастись от его слов, разъедающих душу своей проникновенностью.

Он вскочил на ноги, начав ходить кругами по маленькой комнате, в которой казался неуместным, как лев – в узкой клетке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.